

ИЗ АРХИВА
ПИСАТЕЛЯ

ПУБЛИКУЕТСЯ
ВПЕРВЫЕ

Литература— призвание

Письма В. Г. Короленко
начинающим литераторам

Известный русский писатель Владимир Галактионович Короленко (1853—1921) на протяжении двадцати с лишним лет был сотрудником и редактором журнала «Русское богатство». Именно и тому времени (с 1896 по 1918 год) и относится значительная часть огромного эпистолярного наследия писателя, которое хранится в основном в Отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина и составляет фонд в 4466 (!) писем и самых разнообразных отзывов.

Короленко помогал молодым литераторам считал своим общественным и гражданским долгом: со всех концов России писали к нему писателю, присылали свои книги и рукописи, просили помощи и совета. Из сотен поступавших в редакцию рукописей Короленко старался извлечь хоть одну, но

действительно талантливую. Он никогда не боялся прямо написать человеку, лишенному дарования, что литература не его стезя, но делал это убедительно и тактично. «Карандаш легко стереть», — часто приписывал Владимир Галактионович в конце своего письма, как бы подчеркивая нежелание навязывать автору свое мнение (заметьте — всегда предельно объективное и, как показало время, верное). Адресаты тех писем Короленко (никогда прежде не публиковавшихся), которые мы предлагаем сегодня вниманию читателей «Литературной России», не оставили своего следа в русской литературе. Тем не менее интересно перечитать сегодня письма и ним крупного писателя — многие из советов Короленко, без сомнения, важны и для молодых литераторов наших дней.

А. А. Штевен
4 марта 1898 г.

Многоуважаемая Александра Алексеевна.

...Вы хотите знать мое мнение о Ваших писаниях? Помоему, пробовать дальше стоит. У Вас несомненно есть слог, умение выразить мысль довольно пластично и ясно, и Ваша книжка свидетельствует, что Вы можете писать интересно о том, что хорошо изучили и к чему «хорошо» присмотрелись. Вопрос, значит, в том, чтобы каждый раз хорошо овладеть предметом... Желаю всякого успеха...

Вл. Короленко

А. А. Иноземцевой
21 октября 1902 г.
Полтава

Милостивая государыня! Драму Вашу я прочел. Собственно, с условиями сценической постановки я не знаком и в этом направлении полезных указаний дать Вам не могу. Что касается до напечатания в журнале, то драмы вообще печатаются в журналах редко, лишь в виде исключения, и — скажу Вам с откровенностью, которой Вы требуете, — что «Семья Басаргиных» с литературной точки зрения показалась мне слабой.

Она слаба, по моему мнению, в самом основании. Главная героиня — Вера Федоровна — превозносится всеми, как необыкновенная женщина, по причинам совершенно непонятным... Институт, мечтательность, потом брак, без любви, потом опять без любви и, по-видимому, без особой нужды — она делается любовницей богатого старика. И она принимает это положение как совершенно нормальное, и мы должны верить на слово, что женщина, которая с такой легкостью смотрит на свое — со всех точек зрения — странное положение — есть существо необыкновенное и возвышенное. Правда, ко всему этому прибавляются разговоры о «народном доме» и благотворительности, но они играют роль скорее ярлыка, чем органической черты драмы. Не менее странна и Дина, с ее разговорами о «поправном стремлении разрозненных атомов». Трудно понять — что она должна представлять собой, но во всяком случае даже изломанная, но действительно страдающая женщина таким языком о своем страдании говорить не станет.

Таково впечатление, вынесенное мною из чтения Вашей драмы... Скажу откровенно, — на какое-нибудь резкое изменение в отношении читающей публики и критики к Вашим произ-

ведениям рассчитывать трудно. Мне, разумеется, было бы приятнее дать более утешительный отзыв, но Вы пишете, что Ваша литературная работа лишь усложняет трудную борьбу за существование и требует откровенного отзыва. Я и говорю совершенно откровенно. Мне кажется, что собственно в художественной области Вы едва ли достигнете большего, чем то, что уже Вами достигнуто. Остальное решайте сами.

Желаю всего хорошего

Вл. Короленко

Н. Е. Бочкареву
16 сентября 1903 г.

Милостивый государь Николай Ефимович.

Очерк Ваш «Рты» тоже не годится для печати. Дело не в одних описаниях природы, и я должен сказать, что, судя по двум первым опытам, можно думать, что беллетристика вообще не Ваше призвание. В обоих рассказах не видно признаков художественного дарования. Вы пишете, что чувствуете в себе известные способности, которые ищут применения. Что же, — литература не в одной беллетристике, да и на литературе свет не клином сошелся. В жизни дела много, но прежде всего, для всякого дела нужна известная степень развития и образования. Поэтому я бы Вам советовал, — на время оставить литературные попытки и устроиться так, чтобы можно было некоторую часть дня посвящать систематическому чтению и самообразованию. Это никогда не поздно и всегда полезно. Впрочем, простите этот платонический совет, вызванный Вашим письмом и рукописями. Желаю всего хорошего.

Вл. Короленко

А. К. Детенгофу
5 ноября 1903 г.
Полтава

Милостивый государь Александр Карлович.

Прочитав Ваши рукописи, к сожалению, должен сказать, что они не подходят для журнала.

На Ваш вопрос в его полном объеме ответить, право, очень трудно, тем более, что я еще не успел ознакомиться со всеми печатными Вашими произведениями...

Явление, о котором Вы пишете, так продолжительно, что едва ли может быть объяснено стечением неблагоприятных случайностей. Нет также оснований предполагать личные предубеждения против автора со стороны редакций. Значит, нужно искать причину во взаимоотношениях двух сторон. Вопрос со стороны читателя и то, что автор предлагает. Ваши книги озаглавлены «Отголоски 60-х годов». Рукописи (в особенности одна из них, «Без опоры») показались мне уж слишком «отголосками». Вы так прониклись идеями 60-х годов, что удержали и их приемы. Всюду рядом с действием, даже сильно подчиняя его, идут мораль, нравоучение. Современный же читатель ищет художественности прежде всего, а мораль и нравоучение, слишком явно выступающие вперед, его отпугивают и охлаждают его восприимчивость...

Желаю Вам всего хорошего
Уважающий Вас

Вл. Короленко

Р. С. Пытались ли Вы изложить пережитое и виденное в форме прямых мемуаров, в эпически спокойном тоне, «по-нестеровски»?

О. М. Самохваловой
25 ноября 1909 г.

Милостивая государыня Ольга Михайловна.

Вы прислали мне одно стихотворение в прозе («Сталктитовые слезы») и два небольших стихотворных наброска. Если Вы думаете, что на основании этого материала можно сделать сколько-нибудь решительное заключение о присутствии у Вас яркого таланта, то это ошибка. Таких «стихотворений в прозе» каждая редакция получает сотни, и вообще к этой форме прибегает непременно каждый начинающий. Стихотворений, написанных недурно, тоже поступает множество, и в Ваших

двух стихотворениях я пока не вижу ничего, что бы их выделяло из этой массы. Если у Вас нет более значительного, то Ваши сибирские знакомые сделали ошибку, побуждая Вас с этим запасом пускаться на риск в столицу.

Я, конечно, этого не знаю, но во всяком случае вижу, что у Вас есть ожидания, которым трудно осуществиться. Вы вот написали несправедливые слова по адресу моего товарища П. Ф. Якубовича. За что? Что он не напечатал Ваших стихотворений? Но ведь их поступает во сто раз больше, чем можно напечатать. Правильно или ошибочно, но приходится руководиться собственным мнением, а не мнением авторов. Или он недостаточно обстоятельно оценил Ваши стихи? Но писать критические статьи по поводу каждого приносимого наброска — нет физической возможности. Таким образом Вам в Ваших дальнейших попытках придется примириться с тем, что стихотворения оцениваются только приемом или отказом. А уж автор сам должен суммировать эти плюсы и минусы и делать свои заключения. Что нужно в редакциях какая-то протекция, что рукописи необходимо доставлять лично, что редакторы не читают совсем рукописей неизвестных авторов, — все это неверно. Но что для редактора есть только рукопись, и он не может считаться ни с чем более, — это суровая правда, и к этому должен быть готов всякий, кто выбирает литературу своим занятием.

С уважением

Вл. Короленко

Н. С. Данилевской
12 марта 1916 г.

М. Г-жа Наталья Сергеевна. ...Вы взяли тему необыкновенно значительную и необыкновенно трудную — массовое умирание мужиков от голода и переживания, при этом хорошо человека — священника. Если бы Вы придавали значение прежде всего «изображению», что и есть сущность художественного произведения, то, взяв такую тему, Вы прежде всего задались бы вопросом: было

ли это когда-нибудь в действительности, а затем: как это было. Я читал в газетах о случаях, когда население какой-то деревни в голодный год «отлеживалось»... Я видел многое в голодный 1891—2 год*. Но все это не так просто, не так определено, вообще не так, как у Вас... Голод — не болезнь, а постепенное истощение организма, и раз в деревне началось повальное умирание от голода, — у Вашего священника было достаточно времени, чтобы поднять на ноги всю губернию, если не всю Россию. Такое явление нельзя рисовать общими чертами, на основании смутных известий. Нельзя потому, что выйдет невероятно... Это бывало?.. Вряд ли. Но, если и бывало, то надо изобразить, как именно было, чтобы читатель видел это и в изображении... Изображение должно быть убедительно само по себе; оно самоочевидно, если оно художественно правдиво.

...Таково мое впечатление. Некоторые места у Вас трогательны, как проповедь, но в них нет жизненной правды, а значит, и убедительности.

Мне приходится читать так много рукописей для журнала, что я избегаю писать отзывы еще и о печатных рассказах. Поэтому «Детские головки» я просмотрел лишь отчасти (несколько очерков). Тут мое впечатление другое (или, пожалуй, то же). Здесь отзывается прямо записной книжкой, точно Вы записывали прямо с натуры разные эпизоды из детской жизни и они у Вас так и остались записью, без того «чего-то», что эскизу или этюду придает художественную жизнь. Поэтому очерки (которые я прочел) оставляют впечатление неудовлетворенности.

Очень жалею, что не мог сообщить ничего более утешительного. Но — такое мое впечатление, к тому же еще может быть и ошибочное.

С уважением

Вл. Короленко

О. П. Руновой-Богдановой
25 мая 1916 г.

Многоуважаемая Ольга Павловна.

Мне выпала на долю неприятная обязанность сообщить Вам, что повесть Ваша «Домой» не может появиться в «Русских записках». Товарищи прислали мне Вашу рукопись с отрицательным заключением. Они нашли, что в ней слишком явно тенденция подавлять художественную сторону. Они желали бы однако иметь еще и мое мнение. К сожалению, я не могу с ними не согласиться. По всему тону повести Вы не просто изображаете настроение значительной части общества под влиянием военной грозы; в повести заключается еще проповедь отречения от «довоенных настроений» русской интеллигенции и притом отречения в такой мере, которая далеко не оправдывается необходимостью защиты отечества. В Вашем изображении эти прежние настроения рисуются слишком уж поверженными... Думаю, что найдутся журналы, где эти соображения препятствием не послужат, и повесть почти наверное будет где-нибудь напечатана. Но прежде я советую Вам пересмотреть свою рукопись, которая переписана с ужасными пропусками, искажениями и ошибками. Читая, я отметил их карандашом на полях. Карандаш легко стереть.

С уважением

Вл. Короленко

Публикации
Е. ГИЙТ

* В 1891—92 годах Короленко работал во время голода в Лукояновском уезде Нижегородской губернии. После этого и были написаны его очерки «В голодный год».